

УДК 94 (47)
DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-2-1

Г. В. Гарбуз

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

ИНСТИТУТ ГУБЕРНСКИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА И СИСТЕМА МЕСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. К началу XX в. в российской провинции оформилась влиятельная структура органов дворянского самоуправления. Ключевую роль в этой системе играл губернский предводитель дворянства. Он возглавлял все губернские учреждения дворянского сословного самоуправления и представлял местное дворянство в государственных структурах губернского управления. Предводитель дворянства занимал в системе провинциального управления особое место, определявшееся его независимостью от коронной администрации. Одной из важнейших задач губернского предводителя дворянства была защита интересов органов дворянского самоуправления, интегрированных в систему государственного управления на местах. Главным оппонентом губернского предводителя дворянства выступал губернатор, возглавлявший местный административный аппарат. Проблемы в их взаимоотношениях возникали из столкновения интересов царской бюрократии и местного дворянства. Перенос таких конфликтов на правительственный уровень нередко давал преимущество предводителям дворянства, которых в столице воспринимали как выразителей интересов высшего сословия. В начале XX в. наблюдается тенденция к укреплению позиций губернских предводителей дворянства во всех эшелонах власти.

Ключевые слова: губернский предводитель дворянства, губернатор, органы дворянского самоуправления, местное государственное управление, дворянство, бюрократия.

G. V. Garbuz

Penza State University, Penza, the Russian Federation

THE INSTITUTE OF PROVINCIAL LEADERS OF THE NOBILITY AND THE SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT: FEATURES OF INTERACTION IN EARLY XX CENTURY

Abstract. By the beginning of the XX century in the Russian province formed an influential structure of the bodies of noble self-government. The provincial leader of the nobility played the key role in this system. He headed all the provincial institutions of the noble class self-government and represented the local nobility in the state structures of the provincial administration. The leader of the nobility held a special place in the system of provincial government, determined by its independence from the crown administration. One of the most important tasks of the provincial leader of the nobility was to protect the interests of the bodies of noble self-government, integrated into the system of local government. The main opponent of the provincial leader of the nobility was the Governor, who headed the local administrative apparatus. Problems in their relationship arose from the clash of interests of the tsarist bureaucracy and the local nobility. The transfer of such conflicts to the government level often gave an advantage to the leaders of the nobility, who were perceived in the capital as representatives of the interests of the upper class. In the early twentieth century, there is a tendency to strengthen the position of provincial leaders of nobility in all echelons of power.

Key words: provincial leader of the nobility, Governor, bodies of noble self-government, local state administration, nobility, bureaucracy.

Дворянство сохраняло господствующее положение в политической жизни страны вплоть до краха Российской империи. Традиционной формой участия «первенствующего» сословия в государственном управлении было рекрутирование его представителей в административный аппарат. В позднеимперский период право на высшие места в центральном управлении по-прежнему оставалось монополией дворянства, представители которого контролировали также ключевые должности в местной администрации. Ещё одним способом вовлечения высшего сословия в управление страной стала интеграция дворянских сословных органов в систему местного государственного управления.

Роль органов дворянского самоуправления в жизни российской провинции не раз становилась объектом внимания в историографии дворянства [1; 2]. В ряде современных публикаций были отражены различные аспекты взаимодействия губернского предводителя дворянства с органами местного государственного управления. В. В. Зотов рассматривает картину вхождения губернских предводителей дворянства в местные структуры власти в контексте общего процесса эволюции института предводителей дворянства в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [3]. Роль губернских предводителей во взаимоотношениях между губернаторами и местным дворянством проанализирована в публикациях Е. П. Бариновой [4], И. Т. Шатохина, С. Б. Шатохиной [5]. В коллективной монографии П. С. Кабытова, Е. П. Бариновой, С. С. Селиверстова и статье И. А. Ефимова отдельные моменты взаимоотношений губернских предводителей дворянства с коронной администрацией представлены на примере ярких представителей этой корпорации начала XX века – самарского предводителя А. Н. Наумова [6] и воронежского – А. И. Алёхина [7]. Данная статья дополнит общую картину исследований комплексным анализом взаимодействия губернских предводителей дворянства и структур местного государственного административного аппарата.

Губернский предводитель дворянства стоял на вершине пирамиды органов дворянского самоуправления. Он избирался очередным губернским дворянским собранием на трехлетний срок из числа местных дворян – землевладельцев, допущенных к участию в собрании, и утверждался в должности лично императором. Как правило, кандидаты на место во главе дворянской корпорации уже имели опыт службы в дворянских сословных органах, чаще всего в качестве уездных предводителей. Они относились к числу крупных землевладельцев или имели другие значительные источники доходов, так как служба эта дворянским самоуправлением не оплачивалась, но требовала значительных расходов от лиц, её исполняющих.

Одной из главных обязанностей губернского предводителя дворянства было председательство в губернском дворянском собрании. Этот важнейший орган дворянской корпорации определял размеры денежных сборов с местных дворян, контролировал расход дворянских корпоративных капиталов, принимал решения об исключении из собрания лиц, находившихся под судом или совершивших всем известный «явный бесчестный поступок» [8, с. 105], решал вопросы включения в губернскую дворянскую корпорацию путём записи в родословную книгу лиц, получивших дворянство. В начале XX в. губернские дворянские собрания безуспешно боролись за право самостоятельно возводить в дворянство. Губернское дворянское собрание также избирало всех должностных лиц дворянского самоуправления. Губернский предводитель, как председатель собрания, имел определённые рычаги влияния на этот процесс. Он назначал дату собрания, в случае нехватки дворян-избирателей в каком-либо уезде для проведения выборов в сословные органы, что в условиях «оскудения» дворянства в начале прошлого столетия случалось нередко, председатель губернского собрания определял, с каким из соседних объединить этот «небогатый» дворянами уезд, для того чтобы выборы состоялись.

Губернский предводитель дворянства председательствовал в губернском дворянском депутатском собрании, состоявшем из представителей всех уездов губернии, главной задачей которого было ведение дворянской родословной книги и

оформление на её основе различных документов местным дворянам, в том числе паспортов. Оно созывалось по решению губернского предводителя и подчинялось только Сенату.

В начале XX в. был законодательно оформлен ещё один сословный орган – собрание предводителей и депутатов дворянства под председательством губернского предводителя. В первую очередь, оно обсуждало дела, предлагаемые правительством для рассмотрения дворянским корпорациям. Часть вопросов решалась этим учреждением самостоятельно, другие – выносились на рассмотрение губернского собрания. Здесь предварительно обсуждалась программа для очередных и внеочередных губернских собраний, рассматривались вопросы, выдвинутые различными дворянскими органами. Губернское собрание предводителей и депутатов дворянства выделяло средства из дворянского капитала на содержание дворянских пансионатов, учреждение стипендий и распределение бесплатных вакансий в высших и средних учебных заведениях для дворянской молодёжи. Предводитель дворянства инициировал в собрании рассмотрение дел о поступках местных дворян, «несовместимых с достоинством дворянского звания», и наложении на провинившихся взысканий [9, с. 45].

Предводители дворянства, каждый на своём уровне, отвечали за реализацию решений различных дворянских собраний. Закон чётко определял, что уездные предводители дворянства не подчиняются по службе – губернскому, так как они «по выбору одного и того же дворянства из среды его и с присвоением от него известной меры власти и ответственности, на разных только степенях одинакового же уважения и доверенности основанных» [9, с. 48]. Влияние губернского предводителя в дворянской корпорации основывалось на авторитете у других её руководителей и рядовых дворян, без поддержки которых он не смог бы достигнуть столь высокого поста. Подробный анализ положения губернского предводителя в дворянской сословной организации позволяет лучше понять позиции, с которых он выступал в отношениях с коронной администрацией, являясь главным представителем своего сословия в его взаимоотношениях со всеми государственными инстанциями.

По должности губернский предводитель дворянства входил в состав большинства губернских коллегиальных учреждений: губернского присутствия, губернского по земским и городским делам присутствия, губернского по воинской повинности присутствия, губернского распорядительного комитета, губернского лесоохранительного комитета, губернского статистического комитета, губернского комитета попечительства о народной трезвости, губернской оценочной комиссии, губернской землеустроительной комиссии. По воле правительства он был включен в состав именно тех губернских учреждений, которые напрямую взаимодействовали с органами дворянского самоуправления, представители которого часто возглавляли уездное звено этих структур. В составе губернского по земским и городским делам присутствия губернский предводитель дворянства контролировал деятельность земских учреждений, в том числе и возглавляемого им самим губернского земского собрания. В заседаниях губернского правления, в структурах которого не были задействованы представители дворянского самоуправления, губернский предводитель участвовал только по приглашению губернатора.

Губернский предводитель дворянства принимал участие в заседаниях судебной палаты, где имел возможность влиять на вынесение судебных решений, если они предполагали лишение сословных прав.

В губернской административной иерархии губернский предводитель дворянства занимал второе место после губернатора, но в полной мере чиновником не являлся. Он не назначался правительством (за исключением ряда западных губерний), не получал жалованье из казны. Входя в состав административного аппарата, губернский предводитель дворянства не нес персональной ответственности перед правительством за деятельность тех государственных структур, в

управлении которыми он участвовал. Губернаторы, как представители императора в губернии, в той или иной степени контролировали все властные институты, но не имели возможности административно воздействовать на предводителей дворянства. Губернский предводитель нес ответственность за деятельность в сфере дворянского сословного самоуправления перед императором и сенатом. В то же время служба по выборам дворянства приравнивалась к государственной службе. Предводители дворянства получали за службу чины, государственные награды, имели право на государственную пенсию. Служба по выборам имела ряд привилегий в сравнении со «службой по определению от правительства». Губернский предводитель дворянства, отслуживший три срока в должности, имел право на чин действительного статского советника, равный губернаторскому (IV класс по Табели о рангах). В дальнейшем чин мог быть повышен. Пензенский губернский предводитель дворянства Д. К. Гевлич, длительное время прослуживший в этой должности, имел чин тайного советника (III класс по Табели о рангах) самый высокий среди местной администрации¹.

Независимость от местного административного аппарата позволяла губернским предводителям решительно отстаивать интересы дворянских сословных структур, интегрированных в систему местного государственного управления. Уездные предводители дворянства по должности возглавляли все коллегиальные учреждения государственного аппарата на уездном уровне [10]. Получив должность по выборам дворянства, они являлись инородным телом в местном бюрократическом аппарате, что порождало различные административные коллизии. Губернское присутствие, как высшая инстанция крестьянского управления в губернии, должно было направлять деятельность уездных съездов, отдавать им распоряжения, при необходимости кассировать их решения, но не имело права по закону посылать указания или требовать отчёта от их непосредственных руководителей – уездных предводителей дворянства [9, с. 49]. Последние ревностно охраняли свою независимость от губернских учреждений. Пензенский губернатор И. Ф. Кошко следующим образом характеризовал административную практику уездного предводителя дворянства А. Н. Селиванова: «Он не допускал ничего вмешательства в дела уезда и рассматривал всякое распоряжение, изданное без его ведома, или не согласное с его мнением, как личное для себя оскорбление и ужасно бурно на это реагировал» [11, с. 149].

Все служебные сношения с предводителями дворянства губернские присутственные места осуществляли через губернатора, в отношении с которыми представители дворянского самоуправления также рьяно отстаивали свою независимость. А. Н. Наумов, исполняя должность ставропольского уездного предводителя дворянства, представил самарскому губернатору А. С. Брянчанинову кандидатуру одного из местных чиновников для утверждения в должности секретаря уездного по воинской повинности присутствия, но «начальник губернии» представление отклонил, так как имел своего кандидата на эту вакансию. Между уездным предводителем и губернатором произошла бурная дискуссия, в ходе которой А. Н. Наумов заявил, что разногласия с губернатором заставляют его подать в отставку, о чем он известит своих дворян-избирателей. Такой демарш молодого предводителя заставил губернатора отступить [12, с. 329]. Опытный администратор А. С. Брянчанинов понимал, что спровоцированная им отставка недавно избранного уездного предводителя может привести к серьёзному конфликту с местным дворянством.

Посредником в конфликтах между уездными предводителями и Его патронаж в какой-то степени распространялся и на земских начальников, которые, являясь государственными служащими, назначались губернаторами по согласованию с предводителями дворянства из среды местных дворян, владевших имениями

¹ Государственный архив Пензенской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10678. Л. 63об.

на территории губернии. Земские начальники, таким образом, принадлежали к наиболее влиятельной группе избирателей в органы дворянского самоуправления, и их служебные интересы не могли оставаться без внимания руководителей дворянских корпораций. А. Н. Наумов, избранный в 1905 г. самарским губернским предводителем, отмечал, что одной из причин его негативного отношения к губернатору Д. И. Засядко было то, что «этот господин позволял себе «хамски» обращаться с почтенными дворянами-землевладельцами, служившими в качестве земских начальников» [12, с. 362].

Отношения между губернаторами и губернскими предводителями дворянства были достаточно сложными. По мнению Е. П. Бариновой, они «наиболее концентрировано отражают противоречия между поместным дворянством и бюрократией» [4, с. 26]. Сотрудничество наблюдалось в тех случаях, когда административный успех соответствовал общим интересам этих социальных групп. Однако обычным явлением было противостояние двух ключевых фигур местного управления. Бюрократизация самодержавия приучила российскую бюрократию к мысли, что всё в стране зависит от её воли. Дворянство, воспринимавшее себя как главную опору трона, требовало от государства исключительного отношения. Губернаторы, стоявшие на вершине местной бюрократической пирамиды, ощущали себя «хозяевами губерний», но сталкивались с сопротивлением губернских предводителей, опиравшихся на мощь российского дворянства. Пензенский губернатор И. Ф. Кошко следующим образом характеризовал поведение губернского предводителя Д. К. Гевлича: «К правительству он относился как-то пренебрежительно, губернаторов явно третировал. Но делал это не потому, что держался оппозиционных воззрений, а из желания, мне кажется, подчеркнуть свою независимость» [11, с. 148]. Губернаторы, там, где их административные полномочия позволяли, не упускали случая продемонстрировать предводителям дворянства свою власть, но и сами, как дворяне, в определённых ситуациях вынуждены были выполнять требования руководителей высшего сословия. Характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях А. Н. Наумов. Губернское дворянское собрание организовало торжественный молебен, на который были приглашены все дворяне, проживавшие в Самаре. Попытка «начальника губернии» Д. И. Засядко уклониться от участия вызвала негодование губернского предводителя, который «поставил на вид» губернатору и намекнул, что подобное отношение к приглашению местного дворянского общества не встретит одобрение «в верхах» [13, с. 19].

Попытки перенести конфликты между двумя столпами губернской администрации на правительственный уровень предпринимали обе стороны. Преимущество в высших эшелонах власти чаще получал предводитель дворянства. Губернаторы в начале XX в., формально оставаясь представителями императора на местах, на практике все больше превращались в высокопоставленных чиновников министерства внутренних дел и должны были соблюдать определённый порядок в общении с вышестоящими чинами. Большую роль в решении таких конфликтов играла возможность личного доступа в правительственные кабинеты, но губернатор мог покинуть пределы своей губернии только с разрешения непосредственного начальника – министра внутренних дел. Губернские предводители дворянства посещали столицу по собственному усмотрению. Они воспринимались высокопоставленными сановниками-дворянами как защитники их сословных интересов на местах и имели более свободный доступ в высшие правительственные сферы. В один из наиболее напряжённых периодов первой российской революции (ноябрь 1905 г.) самарский предводитель дворянства А. Н. Наумов за две недели пребывания в Санкт-Петербурге дважды встречался с министром внутренних дел П. Н. Дурново, побывал на аудиенции у председателя совета министров С. Ю. Витте, министра юстиции М. Г. Акимова, министра путей сообщения К. С. Немешаева.

В придворных кругах позиции губернских предводителей дворянства также были более предпочтительными. В губернаторской среде получение придворных званий было явлением не частым, для губернских предводителей наличие придворного звания являлось фактически правилом. Различными были возможности личного общения с императором. Пензенский губернатор И.Ф. Кошко за три года пребывания в должности не имел возможности лично представиться императору. А. Н. Наумов на первом году губернского предводительства дважды удостоивался высочайшей аудиенции, был представлен императрице и некоторым великим князьям.

Поддержка губернских предводителей дворянства в высших сферах стала особенно актуальной в период революции 1905–1907 гг. Провинциальное дворянство, ставшее главной жертвой аграрных беспорядков, обвиняло местную администрацию в неспособности защитить его интересы. Глашатаями дворянских требований были губернские предводители. Они использовали свои возможности для извещения правительства о реальном положении в провинции и ошибках местных властей, которые губернская администрация нередко пыталась скрыть. Подобные демарши пагубно сказались на карьере отдельных губернаторов. Симбирский губернатор князь А. В. Яшвиль отмечал в своих воспоминаниях, что одной из причин его отставки были интриги в столице губернского предводителя дворянства В. Н. Поливанова [14, с. 13]. Отставка самарского губернатора Д. И. Засядко стала результатом визита А. Н. Наумова в столицу в ноябре 1905 г. Решение правительства об отставке губернский предводитель вручил губернатору лично [13, с. 48], а затем фактически возглавил Самарскую губернию, оставшуюся сразу без губернатора и вице-губернатора.

Политические изменения в России в начале XX в. укрепили положение губернских предводителей дворянства в высших эшелонах власти. На съездах губернских предводителей дворянства и съездах объединённого дворянства они координировали усилия по защите корпоративных интересов. Участие в Совете по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел и представительство в Государственном совете позволяло руководителям дворянских корпораций воздействовать на формирование правительственной политики. Их усилия были направлены на защиту исключительного положения органов дворянского самоуправления в системе местной администрации. Проект реформы местного управления, предложенный П. А. Столыпиным, встретил ожесточённое сопротивление губернских предводителей [6, с. 78], в том числе и потому, что содержал положение о выводе уездного уровня государственного управления из-под контроля дворянских корпораций. Отказ правительства от реализации этой реформы показывает значительное влияние руководителей первенствующего сословия на государственную политику.

Характерной особенностью российского самодержавия, сохранявшейся до последних дней его существования, был принцип «разделяй и властвуй», применявшийся в том числе и в отношении собственного административного аппарата. Интеграция органов дворянского самоуправления в систему государственного управления на местах порождала постоянные конфликты на административном поприще между провинциальной бюрократией и местным дворянством, на острие которых часто оказывался губернский предводитель. Он был нужен самодержавию не только как блюститель интересов поместного дворянства, которое по-прежнему оставалось главной опорой монархии, но и как инструмент действенного контроля за местной администрацией. Исключительное положение данного института в системе органов местного управления сохранялось до самого конца Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иерусалимский Ю. Ю. Современная отечественная историография о дворянстве России второй половины XIX – начала XX в. / Ю. Ю. Иерусалимский, Н. К. Леднёва // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — Т. 1, № 4. — С. 49–53.
2. Кабытов П. С. Баринаева Е. П. Дворянство Поволжья второй половины XIX – начала XX века: историография проблемы / П. С. Кабытов, Е. П. Баринаева // Вестник Самарского государственного университета. — 2012. — № 8-2 (99). — С. 47–52.
3. Зотов В. В. Эволюция института предводителей дворянства во второй половине XIX – в начале XX вв. (на материалах Орловской губернии) / В. В. Зотов // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 1 (51). — С. 62–68.
4. Баринаева Е. П. Губернаторы и дворянство в начале XX века: сотрудничество и конфликты / Е. П. Баринаева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2018. — Т. 24, № 1. — С. 23–31.
5. Шатохин И. Т. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. / И. Т. Шатохин, С. Б. Шатохина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2014. — № 21 (192). — С. 106–110.
6. Кабытов П. С. Жизнь и судьба Александра Наумова / П. С. Кабытов, Е. П. Баринаева, С. С. Селиверстов. — Самара : Самар. инст. (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2013. — 160 с.
7. Ефимов И. А. Александр Иванович Алёхин последний губернский предводитель дворянства в Воронеже / И. А. Ефимов // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. — 2015. — № 4 (27). — С. 117–121.
8. Шаймарданова А. З. Правовое регулирование деятельности губернских дворянских собраний / А. З. Шаймарданова // Вестник Российского университета кооперации. — 2012. — № 3 (9). — С. 103–106.
9. Свод законов Российской империи: в 5-ти кн. Т. IX / под. ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт и В. Э. Герценберг. — Санкт-Петербург : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. — 208 с.
10. Гарбуз Г. В. Уездный предводитель дворянства в системе местного государственного управления в начале XX века / Г. В. Гарбуз // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 3 (19). — URL: <https://esj.pnzgu.ru>. — Дата публикации: 30.09.2017.
11. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914). Новгород – Самара – Пенза / И. Ф. Кошко. — Петроград : Типография «Содружество», 1916. — 259 с.
12. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917: в 2-х кн. Кн.1 / А. Н. Наумов. — Нью-Йорк : Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. — 378 с.
13. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917 : в 2-х кн. Кн. 2 / А. Н. Наумов. — Нью-Йорк : Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1955. — 583 с.
14. Яшвиаль Л. В. Воспоминания о Симбирске 1905–1906 / Л. В. Яшвиаль. — Киев : Тип. губ. правления, 1906. — 54 с.

REFERENCES

1. Ierusalimskii Yu. Yu., Ledneva N. K. Modern Russian Historical about Noble Class in Russia in the Second Half of the 19 th Beginning of the 20 th Centuries. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012, no. 4, vol.1, pp. 49-53 (in Russian).
2. Kabytov P. S. Barinova E. P. Nobility of the Volga Region of the Second Half of XIX – The Beginning of the XX Century: Historiography of the Problem. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Journal of Samara State University*, 2012, no. 8-2 (99), pp. 47-52 (in Russian).
3. Zotov V. V. Evolution on Institute of Leaders of the Nobility in the Second Half of XIX – Early of the XX Centuries (on Materials of the Orel Province). *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2013, no. 1 (51), pp. 62-68 (in Russian).

4. Barinova E. P. Governors and Nobility in Early XX Century: Cooperation and Conflicts. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Journal of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 23-31 (in Russian).

5. Shatokhin I. T., Shatokhina S. B. The Russian Nobility and the State Service in the XIX - Early XX Century. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Politologiya = Scientific Bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political Science*, 2014, no. 21(192), pp.106-110 (in Russian).

6. Kabytov P. S., Barinova E. P., Seliverstov S. S. *Zhizn' i sud'ba Aleksandra Naumova* [Life and fate of Alexander Naumov]. Samara, Samar. inst. (fil.) REU im. G. V. Plekhanova Publ., 2013, 160 p.

7. Efimov I. A. Alexandr Alekhine the Last Provincial Marshal of Nobility in Voronezh. *Bereginya. 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika = Bereginia. 777. Sova: society, politics, economy*, 2015, no. 4(27), pp.117-121 (in Russian).

8. Shaimardanova A. Z. Legal Regulation of Activity of Provincial Nobility Assemblies. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Journal of the Russian University of Cooperation*, 2012, no. 3 (9), pp.103-106 (in Russian).

9. Mordukhai-Boltovsogo I. D., Balkanov N. P., Voit S. S., Gertsenberg V. E. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii: v 5 kn. T. IX* [Set of Laws of the Russian Empire: 5 books. Vol. IX]. Saint Petersburg, Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deiatel'» Publ., 1912, 208 p.

10. Garbuz G. V. District Marshal of the Nobility in the System of Local Government in the Early Twentieth Century. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2017, vol. 5, no. 3 (19). Available at: <https://esj.pnzgu.ru>.

11. Koshko I. F. *Vospominaniia gubernatora (1905-1914). Novgorod - Samara - Penza* [Memoirs of the governor (1905-1914). Novgorod - Samara - Penza]. Petrograd, Tipografiia «Sodruzhestvo» Publ., 1916, 259 p.

12. Naumov A. N. *Iz utselevshikh vospominanii, 1868-1917: v 2-kh kn. Kn. 1* [From the Survived Memoirs, 1868-1917. In two books. Book 1]. New York, 1954, 378 p.

13. Naumov A. N. *Iz utselevshikh vospominanii, 1868-1917: v 2-kh kn. Kn. 2* [From the Survived Memoirs, 1868-1917. In two books. Book 2]. New York, 1955, 583 p.

14. Iashvil' L. V. *Vospominaniia o Simbirsk 1905-1906*. [Memories of Simbirsk 1905-1906]. Kiev, Tip. gub. Pravleniia Publ., 1906, 54p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гарбуз Георгий Владимирович — доцент кафедры истории Отечества, государства и права юридического института Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: ggarbuz@rambler.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Garbus Georgy V. — Associate Professor, Department of History of Russia, State and Law, Institute of Law, Penza State University, Candidate of History, Associate Professor, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: ggarbuz@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гарбуз Г. В. Институт губернских предводителей дворянства и система местного государственного управления: особенности взаимодействия в начале XX века / Г. В. Гарбуз // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 2 (30). — С. 5–12. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-2-1.

FOR CITATION

Garbus G. V. The Institute of Provincial Leaders of the Nobility and the System of Local Government: features of Interaction in Early XX Century. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 5-12, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-2-1. (In Russian).